

А.И. НЕКЛЕССА

**ORDO QUADRO — ЧЕТВЕРТЫЙ ПОРЯДОК:
ПРИШЕСТВИЕ ПОСТСОВРЕМЕННОГО МИРА***

Глобальная трансформация мироустройства, полифоничный, системный характер происходящих на планете изменений заставляют задуматься над общими закономерностями истории, глубинной логикой смены эпох. Прошлое и будущее не существуют сами по себе как полностью автономные пространства; они слиты в едином потоке времени, стянуты берегами истории, будучи объединены только субъектом исторического действия — человеком. Разделяют же историческое время на крупные сегменты *зоны* — «большие смыслы» судеб людей, различным образом толкуемые ими цели бытия. Мы вряд ли поймем суть происходящих на планете изменений, если не опознаем эти резонирующие со временем длинные волны истории.

Кардинальные перемены в мировоззрении, в общественной психологии для нас ничуть не менее важны, чем изменения в материальной, событийной жизни общества, ибо в конечном счете именно первые являются основным фактором социальных революций, порождающим грандиозные трансформации экономического и политического статуса мира. Разнообразные формы земного бытия, способы обустройства человеческого общежития, в сущности, не что иное, как зримое воплощение конкретного *менталитета*, — проросшие зерна той странной субстанции, которая, по выражению К.Гинцбурга, представляет собой некое общее «между Цезарем и самым последним солдатом его легионов, Святым Людовиком и крестьянином, который пахал его землю, Христофором Колумбом и матросами на его каравеллах» [Ginzburg, 1976: XXIII].

«ИКОНОМИЯ» ИСТОРИИ

На пороге нового тысячелетия история вплотную подошла к трансформационной цезуре, и поэтому вызов времени сейчас ощутим как никогда ранее. Между тем возникает опасение: смогут ли общественные науки достойно ответить на этот вызов? Или же истолкование будущего станет предметом расплывчатого философского дискурса, достаточно абстрактных либо, напротив, чересчур частных, культурологических констатации, поводом для политически и идеологически мотивированных спекуляций, а то и просто собранием политически корректной, но творчески стерильной риторики, прилежно перечисляющей общие места «процесса глобализации мира»?

Философия истории — непростая наука. Ее многочисленные загадки и парадоксы прямо сопряжены с уникальным статусом человека в мире, свободой его воли. И в то же время — с гораздо более предсказуемыми, хотя отнюдь не элементарными, законами развития и трансформации сложных систем. Жизнеспособность подобных систем во многом связана с их внутренней неоднородностью, «цветущей сложностью», разнообразием, голографичностью. Подобная неоднородность на уровне всеобщей истории может проявляться различным образом —

* Опубликовано: Полис. — 2000. — № 6. — С. 6-23.

как плодотворное взаимодействие частей (стран и народов, культурно-исторических типов или цивилизаций), сведенных в некую целостную структуру, либо как форсированное стремление к доминированию одной или нескольких подобных «долей» мирового целого, использующих ресурсы системы в собственных интересах, иной раз серьезно понижая жизнестойкость общей структуры, либо даже как острый, антагонистичный конфликт всего и вся, «битва цивилизаций», способная привести к слому и гибели системы.

В этом калейдоскопе ситуаций, отражающих причудливые сочетания *экономики* (нисхождение идеального образа) и феноменологии истории, находятся истоки современных теорий Ф. Фукуямы и С. Хантингтона, соперничество которых — проекция длительной вереницы дискуссий между универсализмом и морфологизмом. Между *панлогизмом* Августина, Вико, Монтескье, Лессинга, Канта, Гердера, Гегеля, Маркса, Вебера, Ясперса, современными теориями универсальной модернизации (У. Ростоу и др.), социологией Парсонса — с одной стороны, и *органицизмом* Шеллинга, Рюккерта, Данилевского, Шпенглера, Тойнби, Гумилева, а также теорией «больших пространств» Ф. Листа, многоликой геополитической школой и, в определенной мере, концепцией миров-экономик Ф. Броделя — с другой.

Философия политики и экономики — не менее сложная и многоярусная область знания, оказалась в современном мире в весьма драматичном положении. Знамена времени — стремительная прагматизация, технологизация — не обошли стороной ни политическую, ни экономическую науку (в особенности повлияв, пожалуй, именно на их «мейнстрим»). Заметно определенное сужение их предметного поля, в результате чего подчас складывается впечатление, что задачи данных отраслей знания лежат сейчас не столько в области фундаментальной науки, сколько в сфере универсальных технологий и стратегий поведения в условиях ограниченности и противоречивости нашего постижения глубин социального космоса.

Этот дефицит «горизонта прогнозирования» особенно ощутим в переломные моменты истории, когда рушатся многие устоявшиеся догмы и стереотипы. Возможно, нынешняя трансформация мироустройства была бы гораздо лучше понята, если бы общественные науки смогли отказаться от сознательных и подсознательных претензий на статус чуть ли не естественнонаучных дисциплин, если бы они вспомнили о своих гносеологических корнях, осознав себя вновь частью политики и этики, т.е. обширной сферы целеполагания и «категорического императива» поведения (*praxis*) человека в мире. И одновременно — если бы они смогли использовать, умело транслируя на свой специфический язык, достижения «чистого разума» из других областей современного знания, в особенности тех, что связаны с осмыслением сложных, многомерных, полифоничных процессов, теории систем, кибернетики, синергетики, эволюционной теории, теории катастроф, теории динамического хаоса. Иначе говоря, если бы обсуждение фундаментальных социальных, политологических и экономических проблем велось в интенсивном взаимодействии с другими областями гуманитарного и естественнонаучного знания, с актуальными философскими и культурологическими дискуссиями.

* * *

Мир людей — сложный организм, развивающийся по своим внутренним законам. Основными принципами организации социальной системы мне представ-

ляются: *антропный, диалоговый, изотропный* (голографический) и принцип *сохранения динамической целостности*.

Антропный — ибо человеческая система, общество, нарушающее этот принцип, превращается в «археологический рай», своего рода ахронию, утрачивая историческое бытие. Кроме того, социосистема антропна и в другом смысле, являя собой некое подобие «большого (совокупного) человека» — Кол-Адама, Адама-Кадмона — и в своей внутренней архитектонике повторяя единую логику сложноорганизованных объектов, включая биологические.

Диалогична она — ибо ее бытие есть перманентный диалог доминантно-открытой и доминантно-закрытой систем («европейского» и «азиатского» способов бытия, двух «полушарий» глобального социомозга).

Изотропна — поскольку структурно отличающиеся части содержат, тем не менее, всю совокупность «молекул» и кодов (включая антагонистичные), но, однако же, в существенно различной композиции и пропорциях.

Наконец, мир людей во всех своих трансформациях и проектах стремится все же к своеобразной *икономии* — воплощению полноты своего образа при сохранении динамической целостности, которая, собственно, и является его историей.

История — синергетический процесс самоорганизации человеческого общества во времени и пространстве. Это мир дальних устремлений человека, окутанных повседневностью бытия История — пространство напряжения человеческих сил и гения, преодоления господства внешней и внутренней природы над личностью. Организация и дивергенция социального космоса проявляются как суммарный результат действий совокупного человечества, пытающегося с максимальной полнотой выразить свою суть, свой потенциал через последовательное воплощение частей (*креодов*) единого процесса. То есть через реализацию — с теми или иными потерями — идеального образа истории, осуществляя, таким образом, телеологический замысел, исторический *промысел*.

В своем становлении человеческий универсум проходит сквозь череду устойчивых, базовых состояний системы: исторических эпох (при рассмотрении диахронного, временного аспекта) или цивилизаций (при синхронном, пространственном анализе системы). Эти эпохи: *Протоистория* (аморфное состояние), *Древний мир* (процесс интеграции системы), *Великие империи/интегривы* (гомеостаз доминантно-закрытой системы), *Средневековый мир* (кризисное состояние индивидуации, при котором система распадается на сообщество «коллективных субъектов»), эпоха *Нового времени* (формирование доминантно-открытой системы) и, наконец, наиболее интересное состояние — *Новый мир* (существование общества в виде устойчивой, но неравновесной, диссипативной структуры) Как видим, у истории есть свой «шестоднев», свои шесть эпох творения.

Но в то же самое время в человеческом мире потенциально (а иногда и активно) присутствует особое, «ночное» состояние — последовательного саморазрушения, катастрофической деградации системы (*Мир Распада*), код своеобразной антиистории. Этот код, однако, получает возможность не подспудной или локальной, а полномасштабной реализации лишь в последнем «колене» истории, когда именно высшее состояние свободы личности позволяет реализовать проект тотального «слома истории», ее падения с достигнутых высот, обращения человеческого сообщества в рваный калейдоскоп неоархаики и «ничто».

Смены эпох (фазовые переходы) — подобно беспокойному состоянию пограничных поясов цивилизационных разломов (областей столкновения культур) — сопровождаются хаотизацией социума, периодами смуты, нередко занимающими продолжительное время, исчисляемое десятками, а то и сотнями лет. Иначе говоря, между «историческими материками» порой зияют провалы темных веков. Грядущий Новый мир, повторюсь, носит устойчивый, но не равновесный характер, его устойчивость во многом базируется на колоссальном количестве накопленных цивилизацией ресурсов, их перманентном перераспределении (что и является источником динамической устойчивости неравновесной, диссипативной структуры). Но данный строй и довольно уязвим, содержа в себе фермент тотальной деструкции (турбулентность и хаос — сближающиеся понятия). Человечество вплотную приближается к водовороту Мира Распада, где история течет как бы в обратном направлении.

Этой мрачной перспективе, впрочем, противостоит другая вероятность (в ветхозаветной эсхатологии намеченная у пророков Исаии 2, 2-4 и Михея 4, 1-3; а в христианской теологии — у Лактанция, Бонавентуры и Николая Кузанского) — гипотетическая возможность, балансирующая, впрочем, на грани милленаристских ересей, реализации в будущем «седьмого дня истории». Или, по определению профессора П. де Лобье, осуществление в рамках истории «цивилизации любви» (выражение, введенное в свое время в оборот папой Павлом VI¹), отменяющей на земле раздор и ненависть.

Все же, завершая историю, человечество оказывается, скорее всего, на пороге великого водораздела: в условиях обретенной наконец-то предельной земной свободы оно совершает свой ультимативный исторический выбор. Два зерна столь различных версий историософии — *свобода-для* страстей (воля, *liberty*) и *свобода-от* них (свобода, *freedom*) прорастают здесь деревьями с могучей кроной. Иначе говоря, конец истории очерчивает два принципиально различных модуля жизни, разводя внешне единое человечество по двум асимметричным метафизическим пространствам бытия. И, таким образом, окончательно выводит его за пределы исторического круга.

* * *

Истоки почти двухтысячелетней цивилизации Большого Модерна (*Modernus*) коренятся в христианском сознании. Христиане еще на заре новой цивилизации называли себя *moderni*, отличив, таким образом, свою общность от людей предшествовавшего, ветхого мира — *antiqui*. Порожденная этой исторической общностью социальная галактика обладает своей оригинальной архитектуроникой, содержит сложную траекторию исторического полета.

История имеет внутренний ритм. Причем ее длинные волны иной раз на удивление точно совпадают с границами *миллениумов* или значимых их частей (половин), обладающих собственной картографией исторического пространства и времени².

Предыдущий *fin de millenium*, начало второго тысячелетия — также весьма непростой рубеж в истории цивилизации. Это было время грандиозной феодальной революции, децентрализации власти, распространения кастелянства и баналитета, аграрного переворота, демографического взрыва, начала трансевропейской экспансии, преддверья урбанистической цепной реакции, формирования бюргерства... Это была также эпоха появления новой социаль-

ной схемы земного мироустройства: *трехсловного мира* Адальберона Ланского и Герарда Камбрезийского — и параллельно, концепции *Божьего мира, клюнийской реформы* — и в то же самое время распространения эгалитарной, еретической модели, в которой социальная горизонталь и функциональное единство сословий исподволь вытесняли духовную вертикаль. И, наконец, это был период раскола *Universum Christianum* — универсального пространства спасения, — что представляется более точным определением события, нежели привычное «раскол Церквей».

Распавшийся незадолго до рубежа тысячелетий земной круг империи Каролингов был в последующем частично заменен более локальным универсализмом Священной Римской империи германской нации. В начале второго тысячелетия Византийская империя, достигшая к этому моменту, кажется, пика могущества («золотой век» Македонской династии), сталкивается с новой и, как показало будущее, смертельной угрозой — турками-сельджуками.

Меняется в тот период не только пространство цивилизации, но и ее отношение ко времени. Субстанция времени начинает активно вторгаться в повседневную жизнь человека, все более точный счет становится сначала экзотической, а затем устойчивой частью быта: в начале второго тысячелетия новой истории появляются механические часы, а с XIV–XV вв. башенные часы распространяются по Европе, превращаясь в своего рода символ западноевропейского города.

Середина второго тысячелетия — тоже значимый рубеж в истории цивилизации: это время зарождения так наз. современности, мира Модерна (*Modernity*), формирования новой социальной, политической, экономической, культурной семантики миропорядка. В ту эпоху произошла историческая смена вех, утвердился новый, гуманистически ориентированный мир, где падший человек становится «мерой всех вещей». А широкое распространение огнестрельного оружия к концу XV в. существенно изменило характер военных действий (переход к линейной тактике их ведения). Тогда же произошло крушение остатков Восточной Римской империи (1453) и появление на подмостках истории иного спутника западноевропейской цивилизации — Нового Света (1492).

После драматических событий Черной смерти (1348–1349), Столетней войны (1337–1453), окончания Реконквисты (1492) уходит в прошлое универсальный, не особенно считавшийся с границами государств способ жизни, и в Европе утверждается мировосприятие, проникнутое духом земного обустройства бытия, а также непривычного ранее патриотизма. Вместе со стремлением к снятию феодальных препон и развитием внутреннего рынка новое состояние общества прямо ведет к возникновению такого основополагающего института современности, как суверенное нация-государство, этого фундамента социальной конструкции Нового времени и соответствующей системы международных отношений (зафиксированной позднее, после Тридцатилетней войны, Вестфальским миром 1648 г.). Трансформируется и духовная, мировоззренческая основа европейского жизненного уклада, что отчетливо проявляется в возникновении протестантизма.

Меняется в тот период и календарный счет, символически знаменуя рубеж новой жизни и *нового времени*. Календарная реформа Григория XIII (1582) очертила пространство западноевропейской версии христианской культуры, укрепив его растущую автономность.

МИР МОДЕРНА: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ

Отличительная черта Мира Модерна — соприсутствие в его пространстве двух исторических тенденций.

Наряду с утверждением христианского мира, цивилизации универсалистской и прозелитической, в качестве основного субъекта исторического действия к древу истории во втором тысячелетии в какой-то момент прививается иной побег, произрастающий из зерен светского антропоцентризма и гностических ересей. Эта ветвь, разросшись и укрепившись, произвела со временем мутацию могучего европейского организма, породив современный нам экономистический универсум, североатлантический мир, Запад в его нынешнем статусе, а также захлестывающий ныне планету девятый вал *глобализации*.

Основная головоломка эпохи Нового времени, спутавшая исторические ориентиры, заметно преобразив при этом социальную среду, — генезис и развитие капитализма. Капитализм — не просто форма эффективной хозяйственной деятельности, естественным образом возникающая в лоне рыночной экономики. Субстанция капитализма — это энергичная социальная стратегия, целостная идеология и одновременно далеко идущая схема специфичного мироустройства, *денежного строя*, сущностью которого является не само производство или торговые операции, но перманентное извлечение системной прибыли.

Novus Ordo переводится ведь не только как «новый порядок», но и как «новое сословие». Проблема эта столь глубока и многомерна, что осознавалась и схоластически осмысливалась уже в период великого перелома первых веков второго тысячелетия, иначе говоря, у самых истоков современной фазы западной цивилизации. Мы хорошо знакомы с концепцией трех сословий, но гораздо хуже осведомлены о полемике вокруг сословия четвертого. А такая полемика велась, к тому же не один век. В идее четвертого сословия проявилась сама квинтэссенция динамичного состояния мира, смены, ломки мировоззрения человека Средневековья. Контур нового класса проступал в нетрадиционных торговых схемах, в пересечении всех и всяческих норм и границ (как географических, так и нравственных). Диапазон его представителей — от ростовщиков и купцов до фокусников и алхимиков.

Так, в немецкой поэме XII в. утверждалось, что «четвертое сословие» — это класс ростовщиков (*Wucher*), который управляет тремя остальными. А в английской проповеди XIV в. провозглашалось, что Бог создал клириков, дворян и крестьян, дьявол же — бюргеров и ростовщиков [Ле Гофф 1992: 244]. Ростовщичество, ссудный процент недаром запрещены в Библии [Исх. 22, 25; Лев. 25, 35-37; Втор. 23, 19-20], осуждаются также исламом, а в рамках античной философии подвергались необычайно резкой критике еще Аристотелем, который прямо сравнивал людей, занимающихся подобными делами, с «содержателями публичных домов» [Аристотель 1984: 126, 395].

Исторически питательная среда капитализма складывается в приморских ареалах Европы (исключение — «сухопутный порт» ярмарок в Шампани), его родовые гнезда — север Италии: Ломбардия, Тоскана, Венеция, Генуя; а также побережье Северного моря: города Ганзейского союза, Антверпен, позже — Амстердам. Капитализм зарождается на культурных разломах, на границе разноликих культур, на волне крестовых походов и географических открытий, питаясь плодами грабительской трофейной экономики того времени. Он утверждается вместе с расцветом новой идеологии — гуманизма — и порожденной ею эпохой

Ренессанса. Его прокламируемая связь с протестантской этикой представляется историсофской аберрацией, скорее можно проследить генезис капитализма из общего творческого кипения той эпохи, отмеченной распространением многочисленных религиозных ересей.

Параллельно проекту универсального пространства спасения *Universum Christianum* этот мир-двойник создает свой собственный амбициозный глобальный проект — построения вселенского *Pax Oeconomicana*.

* * *

Историческое продвижение капитализма по эту сторону *современности* можно разделить на три фазы: торгово-финансовую (XV–XVIII вв.), индустриальную (XVIII–XX вв.) и ныне актуальную, геоэкономическую.

Рассвет первой фазы был тесно связан с эпохой географических открытий, взорвавшей средиземноморский регион и ареал Северной Европы, кардинально изменившей экономическую картографию Европы, переместив ее центр тяжести в атлантический мир. Поток материальных ценностей и драгоценных металлов порождал все более изощренные формы кредитно-денежных отношений, сдвигая вектор активности в виртуальный космос финансовых операций, рождая такие эпохальные изобретения, как, например, центральный банк или ассигнация. В это время заметно сдает свои доминирующие позиции экономический фундамент предшествующих времен — аграрная экономика, шаг за шагом уступая место торговле, ремеслам, другим видам деятельности.

Закат первой фазы развития капитализма совпал с упрочением нациигосударства, постепенно взявшего в собственные руки кредитование своих нужд путем выпуска государственных ценных бумаг и национальной денежной эмиссии (особенно в форме банкнот). Капитализм тем временем обустроил для себя новую нишу масштабной деятельности, иногда прямо отождествляемую с ним, — индустриальное, промышленное производство, развивавшееся в тот период по стремительно восходящей линии, оправдывая любые капиталовложения, создавая на основе радикальных инноваций и перманентного технического прогресса все более обильный прибавочный продукт. Получало свою долю и государство, чьи инфляционные и кредитные риски, как правило, с лихвой оправдывались интенсивным промышленным развитием, общим ростом национальной экономики. Однако в завершающем второе тысячелетие XX в. индустриализм пережил как стремительный взлет, так и серьезный кризис.

К началу столетия индустриализм разрывает национальные рамки, «индустриальная система стала резко наращивать свою активность, так что размах ее деятельности обрел глобальный характер» [Тойнби 1991: 18]. В результате, как и во времена исторического Средневековья, человек вновь начинает осознавать себя частью «более широкого универсума» [Тойнби 1991: 18], чем пределы нациигосударства. У этих глобальных смыслов и снов есть свои влиятельные сторонники, свое влиятельное лобби, свой «новый класс». Причиной же исторической трансформации, помимо естественной логики расширенного воспроизводства, стала целая сумма факторов, действие которых было, впрочем, заметно искажено двумя мировыми войнами, военно-технологическим рывком и сопутствовавшим ему активным вмешательством государства в хозяйственную деятельность. Факторов, носивших, однако, вполне системный характер.

Во-первых, необходимость постоянно раздвигать границы платежеспособного спроса и вовлекать в процесс расширенного потребления новые группы населения вплоть до исчерпания пределов возможностей планеты. При этом, однако, производство стимулируется и поддерживается не столько реальными потребностями совокупного населения Земли в тех или иных товарах и услугах (а соответственно, и ориентируется в своей деятельности не на такой критерий), сколько потребностями людей, имеющих возможность оплачивать их, платежеспособным спросом. С этим же связано и развитие масштабного рекламного допинга, необходимость создавать и поддерживать многочисленные искусственные потребности у данной группы населения Земли (при наличии неудовлетворенных базовых у другой), все агрессивнее навязывая новые продукты, раскручивая, таким образом, спираль *общества потребления*.

Во-вторых, отчетливо обозначившиеся границы хозяйственной емкости биосферы, перспектива исчерпания критически важных видов природных ресурсов и отсюда — необходимость задуматься над проблемой контроля над глобальными ресурсами планеты для их перманентного и устойчивого перераспределения.

В третьих, усложнение отношений с нарастающим научно-техническим прогрессом из-за его двусмысленного воздействия на норму прибыли (учитывая необходимость перманентного технического перевооружения морально устаревающих основных фондов). А также из-за его потенциальной способности выбивать почву из-под ног у сложившихся хозяйственных организмов и даже целых отраслей. И, кроме того, из-за переключения творческого гения человека в новые сферы деятельности (например, на разработку изоциренных финансово-правовых схем и различных виртуальных технологий, на создание массовой индустрии поп-культуры и развлечений). Наконец, из-за странного оскудения творческого дара к концу столетия, превращения научного сообщества в специфичную, самодостаточную субкультуру³. То есть всей той суммы факторов, результатом действия которых является растущее преобладание в последние десятилетия века оптимизационных инноваций (*progressive innovations*) над прорывными (*radical innovations*).

Трансформируется и отношение к науке (особенно фундаментальной), под вопросом вообще оказывается уникальность роли научно-технического прогресса как основного или даже, по большому счету, единственного базового механизма извлечения высокой прибыли. Для адекватной оценки всей парадоксальности создавшейся ситуации следует помнить, что вектор современного экономического развития, обозначенный процессами оптимизации и глобализации, с другой стороны определяется интенсивно развивающимся феноменом так наз. *knowledge-based economy* — экономикой знания.

* * *

В мире в настоящее время разворачивается экономическая революция, связанная не столько с прорывом научно-технического процесса в новые тайны мироздания, сколько с эффективным использованием его многочисленных и разнообразных плодов, глобальной оптимизацией информационной сферы, получившей громкое название *информационной революции*. В результате на планете происходит выстраивание экономической среды, в которой производство невостребованного обществом товара становится актом эфемерным, не имеющим стоимости. Новая сервисная экономика высокопрофессиональных услуг, экономика знаний резко расши-

ряют хозяйственный горизонт, деформированный в последней трети XX в. проблемой «пределов роста» природозатратного производства. Инновационная экономика существенно ослабляет эти «пределы». Экономика информационная их практически не имеет. В процессе развития потребление природных ресурсов не увеличивается, а снижается: происходит миниатюризация и оптимизация промышленных механизмов, ряд новых отраслей приобрели отчетливо выраженный виртуальный характер. К тому же творческий дар (от слова «даром»), в отличие от сырьевых и биосферных ресурсов, возобновляем и неисчерпаем.

В пространстве постиндустриальной экономики таятся, впрочем, собственные непростые проблемы. Здесь сегодня столкнулись две тенденции:

— *оптимизационная* (основанная на информации как базовом ресурсе общества), тесно связанная с развитием финансово-правовых технологий, процессом «каталогизации» мира, становлением системы глобального управления;

— *инновационная* (опирающаяся на творческий дар человека), суть которой составляют получение нового знания и качественное, скачкообразное изменение искусственной среды обитания человечества.

Первый процесс, подчас вызывающий тревогу за судьбы глобальной экономики, в целом хорошо описан в специальной литературе и довольно широко освещается средствами массовой информации.

Состояние же второй тенденции в современном мире, несмотря на обилие исследований, посвященных феномену *knowledge-based economy*, производит впечатление некоторой двусмысленности.

Возможно, это в немалой степени связано с тем обстоятельством, что широчайшее предметное поле этой сферы исследований, включающее в себя и м производство идей, и целый ряд культурных феноменов, и состояние научного общества, далеко выходит за пределы прокрустова ложа современной экономической реальности и ее оценки. Все-таки основа второй тенденции — наука, понимаемая как открытие неизвестных свойств изучаемых объектов: мира, общества, человека, строя его мысли.

Единая, реально функционирующая современная экономика, объединяя достижения в этих двух сферах: информационной и инновационной (хотя и со все более заметным креном в сторону первой составляющей), заметно снижает роль таких, казалось бы, своих основополагающих институтов, как частный собственник, основные фонды и даже (в определенной степени) издержки производства, маргинализирует их. Одновременно в ее недрах вызревает драматичное столкновение интересов между управленческой элитой и производителями нового знания, своего рода новый классовый конфликт XXI столетия.

Так, первая тенденция, основа которой — идеал глобального управления, финансово-правового регулирования мировой экономики, долгосрочного перераспределения ресурсов и взимания на этой основе невидимых *геоэкономических рентных платежей*, тесно связана с институтом гигантских ТНК или, — как их сейчас принято называть, глобальных корпораций. Эти организмы контролируют на сегодняшний день мировое экономическое пространство, выстраивая сложно-подчиненную конструкцию глобальной экономики. Достаточно сказать, что в списке 100 крупнейших экономик мира (понимаемых как национальные и транснациональные экономические организмы) 51 позицию занимают ТНК. Здесь создается не столько новый продукт, наделенный теми или иными потребительскими свойствами, сколько формируется долгосрочная «колея» олигополизирован-

ной торговли (преимущественно на основе макродиад, т.е. парного дублирования производства того или иного продукта). На этом пути, помимо разработки и применения оргсхем глобального масштаба, встречаются субъективация стоимости, произвольное оперирование издержками производства, подчиненное маркетинговой стратегии, торговля интеллектуальной собственностью и брэндом («продается товар, покупается — брэнд»), сброс рисков на мелкие и средние предприятия через систему аутсорсинга и т.п. Другая, но, пожалуй, еще более важная сторона данной тенденции, — стремительно развивающийся институт транснациональных финансовых корпораций самого разного свойства.

Вторая же тенденция проявляется, например, в росте числа и качественном развитии разнообразных венчурных средних, мелких и микропредприятий (вплоть до феномена *manenterprise*: «человек-предприятие»). Действительно, базисом предприятий новой экономики постепенно становятся не основные фонды и даже не управленческий ресурс, а человеческий капитал, и все чаще — некое критическое число творческих личностей, от наличия или отсутствия которых подчас зависит судьба самой мощной организации.

Оба процесса, однако, не существуют в хозяйственной реальности как автономные и открыто противостоящие. Скорее они проявляются в единой экономической среде (и даже в организационной структуре и иерархии приоритетов единых организаций) в качестве двух стратегических тенденций, претендующих на право доминировать в новом мире. Иначе говоря, обе тенденции с различной долей успеха реализуются в недрах единых хозяйственных организмов.

В свое время в отеле Фермонт в Сан-Франциско состоялась встреча 500 ведущих политиков, предпринимателей, ученых планеты. В ходе одного из заседаний произошел драматичный диалог между Д. Паркером, одним из основателей империи Хьюлетт-Паккард и Дж. Гэйджем, управляющим высшего звена корпорации Сан-Майкросистемс. «Сколько служащих вам на самом деле нужно, Джон?», формулирует Паркер центральный в контексте данной темы вопрос. «Шесть, может быть, восемь», — отвечает Гэйдж. Ведущий дискуссии профессор Р. Рой обостряет ситуацию. «А сколько человек в настоящее время работает на Сан-Системс?». Следует молниеносный ответ Гэйджа: «Шестнадцать тысяч. Но все они, кроме небольшого меньшинства, являются резервом для рационализации».

* * *

Принцип новой политэкономии, кажется, нашел свое косвенное выражение в новой системе мировой статистики — *системе национальных счетов* (СНС), заменившей привычный валовой внутренний продукт (ВВП) на валовой национальный доход (ВНД) в качестве центрального экономического индикатора. Ныне действующий вариант СНС был сформулирован в середине 1990-х годов и вступил в силу с 2000 г. Его фундаментальное положение представляет на первый взгляд логическую инверсию «произведено то, что продано». На самом деле здесь зафиксирован серьезный семантический сдвиг в экономической психологии — от мышления в категориях производства продукта к мышлению в категориях его распределения и получения дохода. Попросту говоря, в мире складывается иная система оценки значимости хозяйственных процессов — нечто вроде системы глобального бухгалтерского учета.

Кстати, экономическая статистика последних десятилетий зафиксировала весьма любопытный факт. Классическая политэкономия знает три источника ВВП — труд, капитал и земля (земельная рента). Однако все эти факторы не могут сейчас исчерпывающе объяснить и описать рост ВВП, прежде всего в индустриально развитых странах. Остается весьма значительная его доля, иной раз свыше половины всего ВВП, создаваемая на основе какого-то иного, четвертого фактора (или группы факторов). В экономической литературе последних лет этот таинственный фактор получил название общего фактора производства (*total factor productivity*). Его вклад в результат экономической деятельности весьма высок, однако лишь в индустриально развитых странах. В странах же развивающихся его роль заметно снижена. (Хотя там существуют свои серьезные проблемы с объективным учетом ВВП из-за слабости национальных валют и широкого распространения внерыночных форм хозяйственных отношений.) В итоге финансовые потоки устремлены сейчас преимущественно в североатлантический ареал, где, несмотря на сравнительно высокие издержки производства, им обеспечена высокая прибыль.

Можно сформулировать несколько версий о природе данного фактора. Возможно, им являются научно-технический прогресс, высокие технологии, ноу-хау, новые образцы техники, весь комплекс научных исследований и опытно-конструкторских разработок (НИОКР). В какой-то степени так оно и есть. Но в таком случае четвертый фактор должен был бы охватывать своим действием весь мир; его значение, заметно возрастая вместе с экспортом технологий в те или иные регионы планеты, должно было бы особенно проявиться в зоне «тихоокеанской революции». Однако на практике дела обстоят несколько иначе.

Другая версия, которая и является основной, сводит четвертый фактор к благотворному воздействию на экономический процесс *национальной инфраструктуры* (комплексной среды, окружающей производство). А это — высокий уровень социально-политической и экономической безопасности от различного рода рисков, развитая социальная и производственная инфраструктура, великолепная коммуникация, эффективная поддержка национального производителя (т. е. функционирующего на национальной территории), а также содействие государства в продвижении товаров, защите производства от демпинга и иных неприятностей, зрелая индустрия услуг, оперативный и легкий доступ к различного рода вспомогательным производствам и службам, другими словами, все то, что составляет специфику североатлантического геоэкономического ареала.

Но выскажу, пожалуй, еще одну версию, акцентирующую роль нового глобального статуса мирового хозяйства. Как известно, государство в рамках национальной экономики при помощи налогов и иных мер осуществляет оперативное перераспределение дохода: между различными группами населения, между хозяйственными субъектами, между действующими в экономике факторами. Но и в современном глобальном мире также складывается мировая конструкция — *метаинфраструктура*, — в чем-то разительно напоминающая этот механизм. Только масштаб ее неизмеримо шире: перераспределяется весь совокупный мировой доход между геоэкономическими персонажами, тесно связанными с разными видами хозяйственной деятельности, например, производством природных ресурсов, высокими технологиями, производством товаров массового спроса или же информационных и финансовых услуг. Именно на базе последнего класса технологий формируется доминирующая глобальная инфраструктура, благоприятная для определенного класса экономических субъектов и гораздо менее дру-

желюбная по отношению к другим. Инфраструктура, чья суть — не производство, а распределение и перераспределение ресурсов, дохода, прибыли.

Ярким примером подобного перераспределения могут служить знаменитые «ножницы цен» — растущая разница в стоимости сырья и готовой продукции, однако реально действующий сейчас механизм глобальной экономики, конечно же, далеко ушел от этой одномерной схемы, распространившись так или иначе почти на все виды хозяйственной деятельности. Такое перераспределение, сориентированное на страны Севера, и составляет суть упомянутых выше *геоэкономических рентных платежей*, являясь своего рода глобальным налогом на экономическую деятельность.

То, что мирохозяйственный контекст — не аморфная среда, а определенным образом ориентированный механизм, далеко не всегда очевидно просто в силу инерции и привычки к порядку вещей. Однако проведем мысленный эксперимент: представим на минуту, что политическая власть на планете принадлежит не Северу, а Югу. Естественно предположить, что в таком случае югоцентричный мир быстро обязал бы промышленно развитые страны платить экологическую ренту и переоценить значение невозполнимых природных ресурсов, произведя, таким образом, собственный вариант шокотерапии, эффект которой, по-видимому, существенно превзошел бы действие нефтяного кризиса 1970-х годов. Верно, промышленная экономика наносит биосфере Земли серьезный ущерб, но пока почти не несет ответственности за него. Кстати, правомерно предположить, что подобная дополнительная нагрузка (вкуче с логичным в этой ситуации резким повышением стоимости невозполнимых природных ресурсов) выявила бы практическую нерентабельность сложившейся на сегодняшней день формы производства, что, в свою очередь, вело бы к системным изменениям во всей конструкции мирового хозяйства.

Так на излете XX в., вопреки эгалитарным стереотипам постиндустриальной романтики, возник призрак новой глобальной иерархии, энергично реализующей проект многоярусного и сословного мира.

ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЕ МИРОУСТРОЙСТВО

Новый мир, идущий на смену эпохе Модерна, рождается в столкновении трех исторических тенденций: модернизации, постмодернизации и демодернизации (неоархаизации). Феномен Модерна, уже претерпев серьезную трансформацию внутри североатлантического ареала, был по-своему принят и переплавлен в недрах неотрадиционных восточных обществ, в ряде случаев полностью отринувших его культурные корни и исторические замыслы, но вполне воспринявших внешнюю оболочку современности, ее поступательный цивилизационный импульс («модернизация в обход Модернити», по выражению А. Турена [Touraine, 1998: 454]).

Нынешний кризис исторического проекта Модернити имеет, однако, не только значимые духовные или культурные следствия, но чреват также серьезными социально-экономическими и политическими трансформациями. Дополнительную сложность в понимании архитектуры нового тысячелетия представляет то обстоятельство, что мы имеем дело с транзитной, незавершенной ситуацией цивилизационного сдвига, в которой равно соприсутствуют и прежние, знакомые персонажи, и неведомые ранее реалии, отчасти именно поэтому трудноуловимые и полностью пока не опознанные. Все же я попытаюсь очертить хотя бы контур этой возникающей на пороге XXI в. мировой конструкции.

Развитие информационных технологий, транспортных и коммуникационных возможностей, всего могучего арсенала цивилизации существенно ослабило в XX столетии роль географических пространств и ограничений, налагаемых ими. В мире возникла *новая география* — целостность, определяемая не столько совокупностью физических просторов, сколько возможностью синхронного мониторинга событий в различных точках планеты в режиме реального времени. А также способностью цивилизации к оперативной проекции властных решений в масштабе всей планеты. В результате сформировалась существенно иная, нежели прежде, перспектива глобального развития, претерпела определенные метаморфозы конфигурация цивилизационных противоречий. Новое качество мира — его *глобализация* — проявилось также в том, что в 1990-е годы почти вся планета оказалась охваченной единым типом хозяйственной практики. Возникли также новые, транснациональные субъекты действия, слабо связанные с нациями-государствами, на территориях которых они разворачивают свою деятельность. Соответственно изменились принципы построения международных систем управления, класс стоящих перед ними задач, да и вся семантика международных отношений.

Глобальное управление при этом отнюдь не предполагает тотальную унификацию социальной и экономической жизни планеты. Переплавленное в тигле интенсивного взаимодействия стран и народов новое мироустройство замещает прежнюю модель Ойкумены иерархичной конструкцией геоэкономических регионов. В рамках глобальной, но далеко не универсальной мир-экономики очерчиваются контуры ее специализированных сегментов: самобытных «больших пространств», объединенных культурно-историческими кодами, стилем хозяйственной деятельности, общими социально-экономическими факторами и стратегическим целеполаганием. Горячий сторонник либеральных ценностей и в то же время фактический оппонент ряда аспектов неолиберализма, Р. Дарендорф формулирует принцип «экономического плюрализма» так: «Было бы неправильно предполагать, что... все мы движемся к одной конечной станции. Экономические культуры имеют столь же глубокие корни, как и культура языка или государственного устройства» [Дарендорф 1998: 86]. В итоге прежняя национально-государственная схема членения человеческого универсума все отчетливее приобретает форму нового регионализма и групповых коалиций.

* * *

Геоэкономические миры *Pax Oeconomicana* — это новый предел международной политической системы. Здесь смешались воедино и правят бал весьма различающиеся персонажи: влиятельные международные организации, конstellации государств, контуры которых определяются их социально-экономическими интересами; страны-системы, отходящие от одномерной модели национальной государственности; наконец, разнообразные, порой весьма экзотичные транснациональные структуры и их коалиции. Последовательное сопряжение всей этой геоэкономической мозаики с прежней политической картографией — единственная возможность уловить (и более или менее внятно описать) то полифоничное мироустройство, которое складывается сейчас на планете.

Новая мировая ситуация поставила под сомнение исключительную роль наций-государств, чьи реальные, хотя и «пунктирные» границы в экономистичном мире заметно отличаются от четких административно-государственных линий,

выдвигаясь за их пределы (либо, наоборот, «вдавливаясь» в них), проявляясь в ползучем суверенитете множащихся зон национальных интересов и региональной безопасности. Политическая и геоэкономическая картографии мира все чаще конфликтуют между собой, дальше расходясь в определении территорий и границ актуальной реальности.

Дело тут, однако, не только в том, что в рамках новой системы страны обретают некий «неосуверенитет», но и в том, что значительная их часть в этой среде постепенно утрачивает способность быть субъектом действия. Кроме того, в переходной, *дуалистичной* конструкции соприсутствуют как бы два поколения властных субъектов: старые персонажи — нации-государства и разнообразные сообщества-интегрии. Их тесное взаимодействие рождает феномен новой государственности — страны-интегрии, страны-системы, примером которых могут служить Шенген, Россия, Китай... Квинтэссенцией же такого статуса стало превращение ведущего государства планеты — США — в крупнейшую страну-систему, проецирующую свои заботы и интересы по всему глобусу.

Одновременно происходит кристаллизация властных осей Нового мира, контур которых представлен разнообразными советами, комиссиями и клубами глобальных НПО (неправительственных организаций).

* * *

Логика отношений внутри нарождающегося геоэкономического универсума заметно отличается от принципов организации международных систем уходящего мира Нового времени. Основной процесс в политической сфере — формирование *поствестфальской системы международных отношений*, публично декларирующей в качестве нового принципа их построения верховный суверенитет человеческой личности, главенство прав человека над национальным суверенитетом. Однако возникающая система международных связей демонстрирует также укрепление принципов, для реализации которых защита прав человека служит лишь своеобразной дымовой завесой и эффективным орудием.

Балканский кризис стал одним из самых трагических событий в Европе со времен Второй мировой войны. На его примере (равно как и на примере некоторых других ситуаций, сложившихся вокруг Ирака, Восточного Тимора и т.п.) несложно убедиться в становлении новой системы межгосударственных связей, складывающейся на руинах биполярной модели мира. Стоит, наверное, лишний раз подчеркнуть, что процессы, происходящие в этой сфере, носят не казуальный, а структурный характер, прочерчивая общий контур мироустройства XXI столетия.

Эти практические начала Нового мира, по-своему выстраивая картографию международных отношений, выражаются и в расширении номенклатуры субъектов, и в закреплении неравенства государств, наиболее отчетливо проявляющегося в образовании новой конфигурации мирового Севера и мирового Юга. Действующий принцип *поствестфальской системы* — избирательная легитимность государств, что предполагает как существование властной элиты, санкционирующей эту легитимность, так и особой группы стран-изгоев с ограниченным суверенитетом.

Верхушка новой иерархии обладает не только этим «священным правом», но и техническими возможностями для формирования мирового общественного мнения, служащего затем основой для легитимации и делегитимации национального суверенитета, а также для осуществления властных полномочий, связанных

с приведением нового статуса государств в соответствие с политической реальностью. Кроме того, важный элемент складывающейся системы — появление нового поколения международных регулирующих органов (элитарных, а не эгалитарных). Отмечу в связи с этим, например, фактическое вытеснение ООН механизмом «большой семерки» в качестве ведущего института Нового мира. Снижается и роль голосования по формуле «одна страна — один голос», в частности за счет распространения принципа «один доллар — один голос», при одновременном усилении роли косвенных, консенсусных форм принятия решений, которые учитывают вес и влияние участвующих в этом.

Активно формируется и новая международно-правовая парадигма, закрепляющая в общественном сознании и в пространстве международных отношений «новый обычай» в качестве специфической нормы своеобразного *протоправа* (учитывая к тому же ориентацию англосаксонской правовой культуры на роль прецедента в формировании новых норм). Характерные черты нового правового континуума — нечеткость законодательной базы, превалирование властной политической инициативы над юридически закрепленными полномочиями и сложившимися формами поведения государств на международной сцене, неформальный характер ряда организаций, анонимность и принципиальная непубличность значительной части принимаемых ими решений и т.п. Новацией последнего времени (в контексте господства норм международного права над национальным) является последовательно выстраиваемая практика судебного преследования отставных и действующих глав государств, а также других лиц, занимающих высокие государственные посты, со стороны как международных, так и иностранных юридических органов.

* * *

Конец XX столетия — окончание периода биполярной определенности и ясности глобальной игры на шахматной доске ялтинско-хельсинкского «позолоченного мира». В результате известных всем событий сломалась не только привычная ось Запад — Восток, но становится достоянием прошлого также обманчивая простота конструкции Север — Юг. Модель нового мироустройства носит гексагональный — «шестиярусный» — характер (и в этом смысле она многополярна). В ее состав входят (отнюдь не на равных, так что в данном плане она однопольярна) такие регионы, как североатлантический, тихоокеанский, евразийский и «южный», расположенный преимущественно в ареале индоокеанской дуги, а также два транснациональных пространства, выходящих за рамки привычной географической картографии.

Раскалывается на разнородные части знакомый нам Север. Его особенностью, основным нервом становится своеобразная штабная экономика. С той или иной мерой эффективности она сейчас определяет действующие на планете правила игры, регулирует контекст экономических операций, взимая с мировой экономики весьма специфическую ренту.

Кризис института национальной государственности, примат международного права над суверенитетом при одновременном умалении контрольных и ограничительных функций правительств, устранение барьеров в мировой экономике, тотальный информационный мониторинг, глобальная транспарентность и коммуникация — все это позволило вырваться из-под национальной опеки, стать экстерриториальным,

окрепнуть и сложиться в глобальную систему многоликому транснациональному миру, этому Новому Северу — *Thule Ultima* геоэкономических пространств.

Теснейшим образом связана с растущим транснациональным континентом и спекулятивная, фантомная постэкономика финансов квази-Севера, извлекающая прибыль из неравновесности мировой среды, но в ней же обретающая особую, турбулентную устойчивость.

Помимо «летучих островов» Нового Севера, связанных с виртуальной неэкономикой финансов и управления, к «нордической» части геоэкономического универсума относится также национальная инфраструктура стран североатлантического региона (преимущественно). В новых условиях государства Запада начинают вести себя подобно гиперкорпорациям, плавно переходя к достаточно своеобразному *новому протекционизму*, ориентированному не столько на ограничения в доступе для тех или иных товаров на национальную территорию, сколько на создание там гораздо более выигрышных условий для крупномасштабной экономической деятельности. Одновременно происходит усложнение семантики экономических операций, превращающее порой их договорно-правовую сторону во вполне эзотерический птичий язык, фактически формируя при этом еще и новую отрасль международного права. Возросшее значение национальной инфраструктуры и национального богатства, а также контроля над правом доступа к бенефициям от геоэкономических рентных платежей делает данные страны (прежде всего США), несмотря на очевидно высокие там издержки производства, весьма привлекательной гаванью для мировых финансовых потоков.

Не менее яркая характеристика ареала — впечатляющий результат интенсивной индустриализации эпохи Нового и новейшего времени. В североатлантическом регионе создано особое национальное богатство: развитая социальная, административная и промышленная инфраструктура, являющаяся основой для «новой экономики» высокотехнологичных отраслей как в сфере информационно-коммуникационных технологий, так и в процессе производства сложных, наукоемких, оригинальных промышленных изделий и образцов (своего рода «высокотехнологичного Версаче»), значительная часть которых затем тиражируется — отчасти посредством экспорта капитала — в других регионах планеты.

Наконец, новой геостратегической реальностью стал находящийся в переходном, хаотизированном состоянии еще один фрагмент бывшего Севера — постсоветский мир, похоронивший под обломками плановой экономики некогда могучий полюс власти — прежний Восток.

Утратил свое прежнее единство и мировой Юг, бывший третий мир, также представленный в современной картографии несколькими автономными пространствами.

Итак, массовое производство как системообразующий фактор (в геоэкономическом смысле) постепенно перемещается из североатлантического региона в азиатско-тихоокеанский. Здесь, на необъятных просторах Большого тихоокеанского кольца (включающего и такой нетрадиционный компонент, как ось Индостан — Латинская Америка) формируется второе промышленное пространство планеты — *Новый Восток*, в каком-то смысле пришедший на смену коммунистической цивилизации, заполняя образовавшийся с ее распадом биполярный вакуум.

Добыча сырьевых ресурсов — это по-прежнему специфика стран Юга (во многом мусульманских или со значительной частью мусульманского населения), расположенных преимущественно в тропиках и субтропиках — в основном в рай-

оне Индоокеанской дуги. Будучи заинтересованы в пересмотре существующей системы распределения природной ренты, члены этого геоэкономического макрорегиона стремятся также к установлению на планете нового экологического порядка.

Одновременно на задворках цивилизации образуется еще один, весьма непростой, персонаж: архипелаг территорий, пораженных вирусом социального хаоса, постепенно превращающийся в самостоятельный стратегический пояс Нового мира — *Глубокий Юг*. Это как бы перевернутый транснациональный мир, чье бытие определено процессами радикальной демодернизации и теневой глобализацией асоциальных и просто криминальных тенденций различной этиологии.

Появление Глубокого Юга свидетельствует о реальной опасности для ряда государств вообще утратить свои социальные и мобилизационные функции, выставляя «на продажу» буквально все, последовательно снижая финансирование затратных статей государственного бюджета, т.е. ограничивая расходы на воспроизводство организованной социальной среды и населения.

Страны, чьи социальные организмы не выдерживают прессинга новой глобальной пирамиды, деградируют, коррумпируются и разрушаются, фактически оказываясь во власти кланово-мафиозных и этноцентричных (центробежных) структур управления, по-своему включающих низкоэффективный хозяйственный и даже мобилизационный (цивилизационный) потенциал этих стран в мировой хозяйственный оборот. В них нарушается существующее экономическое равновесие и начинает действовать инволюционный механизм интенсивной трофейной экономики, превращающий ее плоды, по крайней мере отчасти, в средства и продукты, необходимые для поддержания минимальных норм существования населения. (По этой причине растущее число людей на территориях Глубокого Юга в той или иной форме охвачены лихорадкой тотального грабежа... самих себя.) Но львиная доля полученной таким образом сверхприбыли уходит все-таки на жизнеобеспечение и предметы избыточной роскоши для руководителей кланов и, кроме того, перемещается в сферу мирового спекулятивного капитала.

* * *

Мировое сообщество оказалось перед «дьявольской альтернативой», перед выбором между императивом создания комплексной системы глобальной безопасности, «ориентированной на новый орган всемирно-политической власти» (З. Бжезинский), или возможностью перехода к неклассическим сценариям новой, нестационарной системы глобальных отношений.

Определенная растерянность мирового сообщества перед происходящими переменами проявилась также в отсутствии у него перспективной социальной стратегии, адекватной масштабу и характеру этих перемен. Популярная, но крайне невнятная концепция устойчивого развития, поднятая на щит в ходе Всемирного экологического форума в Рио-де-Жанейро в 1992 г. [Конференция ООН 1992] — этого столь внушительного для современников, но оказавшегося ложным символом Нового мира, — вряд ли может считаться таковой стратегией, будучи все-таки частным и паллиативным ответом на вызов времени, скорее констатирующим серьезный характер блока эколого-экономических проблем, нежели предлагающим действенные средства выхода из засасывающей цивилизацию воронки. С ростом значимых для человечества видов риска, в условиях общей нестабильности постялтинского мироустройства, перманентной неравновесности новой экономической среды, хронически порождающей кризисные ситуации, все чаще возникает вопрос: не станут ли глобальный

геоэкономический универсум и североцентричный мировой порядок лишь очередной преходящей версией Нового мира, еще одной убедительной утопией, прикрывающей истинное, более драматичное развитие событий на планете?

История, которая есть бытие в действии, в своих построениях оказывается полифоничнее умозрительных конструкций и парадоксальнее инерционных прогнозов развития. Наряду с моделью исторически продолжительного (однако, все же преходящего) доминирования однополюсной схемы мирового порядка во главе с Соединенными Штатами, сейчас возникает новая череда сценариев грядущего мироустройства. Эти новейшие картины будущего объединяют две темы: проблема реориентализации мира и растущая уязвимость западной модели глобального сообщества. Ш. Перес в исследовании «Новый Ближний Восток» обратил внимание на идущую сейчас трансформацию начал современного общества: «До конца XX столетия концепция истории уходила корнями в европейскую модель государственной политики, определявшейся националистическими ценностями и символикой. Наступающая эпоха будет во все большей мере характеризоваться азиатской моделью государственной политики, базирующейся на экономических ценностях, которые предполагают в качестве основного принципа использование знаний для получения максимальной выгоды» [Перес 1994: 188]. Подобное типологическое перерождение социальной структуры дополняется, если так можно выразиться, демографической «ориентализацией» мира: вспомним, что в развивающихся странах проживает (по данным на начало 1999 г.) около 5/6 населения планеты и на их же долю приходится 97% его прогнозируемого прироста; повышается также удельный вес восточных диаспор непосредственно в странах Севера.

Процесс ориентализации мира имеет еще один серьезный аспект. Как отмечает профессор Йельского университета П. Брекен: «Созданному Западом миру брошен вызов... в культурной и в философской сферах. Азия, которая стала утверждаться в экономическом плане в 60–70-х годах, утверждается сейчас также в военном аспекте» [Foreign Affairs 2000]. Выдвигая тезис о наступлении «второго ядерного века» (т.е. ядерного противостояния вне прежней, биполярной конфигурации мира), политолог характеризует его так: «Баллистические ракеты, несущие обычные боеголовки или оружие массового поражения, наряду с другими аналогичными технологиями, сейчас доступны, по крайней мере, десятку азиатских стран — от Израиля до Северной Кореи, и это представляет собой важный сдвиг в мировом балансе сил. Рост азиатской военной мощи возвещает о начале второго ядерного века» [Foreign Affairs 2000]. Таким образом, экономистичному менталитету Запада может быть противопоставлен цивилизационный вызов Нового Востока, предполагающий более свободное, чем прежде, использование современных вооружений⁴.

Еще более резко сформулировал свою позицию Международный институт стратегических исследований (IISS) в ежегодном докладе о тенденциях развития мировой политики за 1999 г. Его вывод: США в целом оказались неспособны претендовать на статус сверхдержавы, а главную угрозу для человечества представляют сейчас региональные конфликты в Азии с участием ядерных держав, в результате чего человечество «балансирует на грани между миром и войной» [Коммерсант 2000].

В футурологическом ящике Пандоры немало и других потенциальных сюрпризов: например, стремительное развитие глобального финансово-экономического кризиса с последующим кардинальным изменением политической конфигурации планеты; перспективы резкого социального расслоения мира или его квазиавтаркической регионализации либо неоархаизации; возможность контр наступления раз-

личных мобилизационных проектов при параллельном возникновении на этой (может быть, иной) основе принципиально новых идеологических конструкций; радикальный отход некоторых ядерных держав от существующих правил игры, более свободное применение современных военных средств, в т.ч. в качестве репрессалий, демонстрационное использование оружия массового поражения, уверенная угроза его применения, растущая вероятность той или иной формы ядерного инцидента; превращение терроризма в международную систему, транснационализация и глобализация асоциальных и криминальных структур; центробежная, универсальная децентрализация международного сообщества...

Существуют и гораздо менее распространенные в общественном сознании планы обустройства мира Постмодерна — от исламских квазифундаменталистских проектов до разнообразных сценариев и концепций, связанных с темой приближения «века Китая». С ростом числа несостоявшихся государств проявилась также вероятность глобальной альтернативы цивилизации: возможность распечатывания запретных кодов антиистории, освобождения социального хаоса, выхода на поверхность и легитимации мирового андеграунда, его слияния с «несостоявшимися» и «обанкротившимися» государствами, «странами-изгоями», современными «пиратскими республиками», прочими социальными эфимериями, утверждающими причудливый строй новой мировой анархии.

Отсутствие согласия между членами мирового сообщества относительно идеалов и механизмов утверждающегося на планете строя чревато нарастанием как подспудного, так и все более открытого соперничества новых исторических проектов, международных систем и социальных мотиваций. Со временем подобное соперничество может стать источником коллизий, по крайней мере не менее значимых и судьбоносных, чем традиционные формы конфликтов между странами и народами. Так на рубеже третьего тысячелетия, во взаимодействии и столкновениях схем мироустройства, культурных архетипов, региональных и национальных интересов, рождается многомерный Новый мир будущего века.

Примечания:

¹ «Цивилизация любви восторжествует над горячкой беспощадных социальных битв и даст миру столь ожидаемое преображение человечества, окончательно христианского» (Из речи папы Павла VI на закрытии первой сессии II Ватиканского собора 25 декабря 1975 г.).

² Первый такой рубеж в истории новой цивилизации, подведший окончательную черту под эрой *Rex Romana*, относится к V–VI вв. — времени крушения Западной Римской империи и начала Великого переселения народов

³ Финансирование науки как социального института, между тем, все заметнее выходит за пределы национальных рамок оно осуществляется не только на национальной основе (бюджет государства), но и на транснациональной (фонды НПО для фундаментальной и гуманитарной сфер, структуры ТНК — для наук прикладных и естественных). В результате очерчивается контур специфического транснационального института — международного научного сообщества, — полностью замкнутого на социальные структуры Нового Севера.

⁴ Даже краткое перечисление основных субъектов азиатской военной мощи — Китай, Япония, Северная Корея, Индия, Пакистан, Иран, Израиль, — несмотря на неполноту и явную эклектичность списка, а может быть, именно вследствие этой эклектичности, заставляет лишний раз задуматься над степенью безопасности и конфигурацией глобальной системы XXI в.